

УДК 343.8-055.2(571.55)(091)

Поведение политических узниц в условиях содержания на Нерчинской каторге в 80-е гг. XIX века

З. В. Мошкина

Читинский государственный университет, г. Чита

Статья посвящена анализу поведения женщин, приговоренных к каторжным работам за государственные преступления. Для изучения взяты случаи из жизни революционеров, содержавшихся на Нерчинской каторге в 80-е гг. XIX в.

Ключевые слова: каторга, поведение, революционеры, активные формы протеста, пассивные формы протеста, выживание, Нерчинск.

Изучение поведения женщин, приговоренных за государственные преступления к содержанию в особых и исключительно суровых условиях, позволяет исследователям определить облик той части российского социума, которая, жертвуя своей жизнью, пыталась исправить общество, сделать его более совершенным и справедливым для всех без исключения членов. Несомненно, что деятельность женщин в условиях каторжного режима была мотивирована рядом причин, которые также характеризуют их личностные качества. Кроме этого, анализ поведенческой деятельности раскрывает механизм адаптации заключенных к условиям содержания. Хронологически в статье речь пойдет о 80-х гг. XIX в. В этот период состав каторги определялся наличием сторонниц террористических методов борьбы.

Женская каторга была открыта в сентябре 1878 г. Местом содержания политкаторжанок стал Карийский каторжный район Нерчинской каторги, расположенный вдоль реки Кары, где после открытия россыпного золота были открыты золотодобывающие рудники. Основной рабочей силой на этих рудниках стали уголовные ссыльнокаторжные. Здесь же в отдельных помещениях содержались и политкаторжане. Политических мужчин в начале 70-х гг. вместе с уголовниками начали водить на работы, но вскоре из-за нехватки охранников и невозможности организовать работы обособленно от уголовников их перестают привлекать к труду. Политических женщин на работы не водили никогда. Женщины сначала жили на Нижней Каре, позднее их перевели на Усть-Кару. Содержали их в приспособленных под тюрьму помещениях.

Поведение женщин на каторге отличалось как активными видами деятельности, так и пассивными. Один из самых лояльно настроенных к политкаторжанам заведующий ссыльнокаторжными на Каре Владимир Осипович Кононович в конце июля 1882 г., составив официальный доклад о поведении политкаторжан, отмечал, что поднадзорные политические, «особенно жен-

щины не отличаются умением подчиняться условиям, в которые попали». И далее он сообщал начальству о том, что раскрыл канал тайной переписки женщин, которая организована была с помощью жены одного из политических ссыльнокаторжных Эсфирь Геллис. У нее обнаружили письмо от Е. Росиковой, предназначенное для передачи в мужскую тюрьму [1]. Женам и ближайшим родственникам заключенных разрешалось жить в районе каторжной тюрьмы и в установленное время приходиться на свидания. По правилам родственников подвергали обыску, но были случаи, когда обыск не проводили, либо во время его тщательно спрятанные письма не обнаруживались. Заключенные использовали эту лазейку и проносили письма. Это был не единственный канал связи, соединивший между собой мужскую и женскую тюрьмы. По факту обнаруженного письма было проведено расследование. Всех женщин допросили, но они молчали, и выдать посредника отказались. За деньги им помогала и охрана тюрьмы. О том, что заключенные переписывались не от случая к случаю, а регулярно и активно, свидетельствует тот факт, что они были хорошо осведомлены о положении дел друг у друга.

Политкаторжанки изыскивали разные способы конспиративного общения, на тот случай, чтобы в момент опасности успеть прийти на помощь товарищам. Как уже было отмечено, здания, в которых их помещали, во многом функционально не соответствовали тюремным заведениям. Такой оказалась бывшая гауптвахта на Нижней Каре, в которой содержали сначала мужчин, а с марта 1879 г. сюда переселили женщин. Это здание не имело тюремной ограды, что давало возможность снаружи подходить близко к тюрьме и разговаривать с ее обитателями через окна. Женщины не только переговаривались с прохожими, но и общались с теми товарищами, которые находились на содержании вне тюрьмы и имели возможность передвигаться по поселку и приближаться к тюрьме. Им писались записки, которые выбрасывали наружу, а там их тут же подбирали или товарищи с воли, или сочувствующие заключенным местные жители и передавали их по адресу. Сергею Синегубу по этому каналу удалось организовать регулярную переписку с женской тюрьмой и обсуждать вопросы, волновавшие всю политическую общественность Кары [2]. Посредством тайной переписки заключенные в тюрьме женщины получали существенную моральную и душевную поддержку от тех, с кем были близкими друзьями.

Однако внутренняя жизнь женской тюрьмы не была безоблачной и гладкой. Заключение действовало на узниц угнетающе, порождало депрессию. Особенно остро переживали свое положение женщины, приговоренные к длительным срокам. По этой причине случались нервные срывы. Долго не могла прийти в себя после поступления на каторгу С. Лешерн. Тяжело переживая свою жизненную драму, усугубленную потерей любимого человека, она решилась на самоубийство. Этим человеком был соратник по борьбе В. Осинский, который был казнен сразу же после суда. С. Лешерн успели спасти товарищи [3]. Пережитая драма сказалась на дальнейшем поведении этой женщины. Будучи на воле активным деятелем, смелым и решительным подпольщиком, на каторге она стала придерживаться тактики компромисса с начальством и выживания.

На женщин оказывало существенное влияние отсутствие свободы, нахождение в постоянно закрытых помещениях и под постоянным контролем со стороны надзирающих лиц, без элементарных удобств, с «парашей» в камере. Особенно обострялось и без того неустойчивое душевное состояние в периоды, когда ужесточался режим содержания. Власть, размещая политкаторжан в нечеловеческих бытовых условиях, ужесточая режим содержания, делала это намеренно, преследуя цель сломить их волю к сопротивлению. Отвечали женщины протестным поведением.

В условиях заключения женщины приложили немало усилий, чтобы улучшить свой быт. Они создали артельное хозяйство, основу которого составляла общая касса. Тюремный паек, который они получали, не соответствовал нормам потребления ни по качеству, ни по количеству продуктов. Кормили их очень скудно. Заключение страдали от хронического голода. Чтобы выжить, женщины и решили объединить в общую кассу все денежные поступления от родственников и друзей с воли. Появилась она не сразу, и становление женской артели происходило долго и конфликтно. До 1884 г. хозяйство в женской тюрьме велось по группам, и в каждой группе была своя касса взаимопомощи. Только с появлением народоволок возникла организация, объединившая весь состав женской тюрьмы, а все поступавшие деньги стали считаться общими [4].

Наличие артели в женской тюрьме подтверждает в своих воспоминаниях Е. Ковальская. Она также свидетельствует о существовании периода, когда женщины в экономическом отношении делились на группы. Были даже и такие, которые не входили ни в одну группу, причина этого заключалась в том, что они не имели возможности получать материальную помощь, могли располагать только пайком.

Артель в женской тюрьме создана была и для того, чтобы помочь всем, кто не имел помощи от родных. И, несмотря на то, что в коллективе женщин вспыхивали споры по идеологическим мотивам, артель не распалась, она не прекратила своего существования и в начале 90-х гг. после упразднения каторжной тюрьмы на Каре. Тогда женщин перевели на содержание вне тюрьмы, они взяли и объединились с мужчинами и даже расширили хозяйственную деятельность. Стали шить на всех одежду, завели корову, заготавливали для нее сено, на зиму сообща готовили дрова, устроили общую кухню.

Артель возглавлял выборный староста. Первой на эту должность была избрана Е. Брешко-Брешковская. Среди политкаторжанок сложилось мнение, что у нее общительный характер, она легко и быстро сходилась с людьми, что она пользуется уважением не только у товарищей, но и местных жителей и по всем качествам подходит на должность старосты.

На плечи старосты ложились важные дела. Он являлся посредником в переговорах между коллективом заключенных и тюремной администрацией, так как только ему по договоренности между узниками доверялось вступать в контакты с тюремными чиновниками и надзирателями. Это негласное правило установилось в коллективе политкаторжан еще в 60-е гг. XIX в. Тогда же политкаторжане установили и другие правила поведения, назвав их «консти-

туцией» [5]. Этих правил несколько. Во-первых, не стоит заводить тесных отношений с начальством, но следует соблюдать элементарную вежливость, давая им понять свое превосходство. Во-вторых, не следует конфликтовать с начальством по мелочам. Протестовать следует только по принципиальным вопросам. В-третьих, претензии следует предъявлять такие, на исполнение которых можно рассчитывать наверняка, т. е. не обрекать себя на конфликт с безнадежным исходом. И, в-четвертых, если протест заявлен, надо идти до конца, иначе протест теряет свой смысл. Контролировать исполнение этих единых норм поведения, как и руководить материальным состоянием тюрьмы, должен был староста.

Для того чтобы улучшить питание, в тюрьме была устроена общая касса, которая пополнялась из денежных переводов, присылаемых с воли родственниками и знакомыми, а также из средств, заработанных в тюрьме. Начальство каторги не запрещало пользоваться этими средствами, так как понимало, что без дополнительного питания заключенные просто не выживут. Староста распределял эти средства, а все покупки совершала надзирательница, у нее же хранились деньги. Она закупала для общего стола продукты питания, например, чай, сахар, сало, картофель, молоко. Она также обменивала ржаной хлеб, который выдавали в тюремном пайке, на пшеничную муку. Пшеничный хлеб подавался к чаю утром и вечером, а ржаной ели за обедом. Кроме продуктов питания на общие деньги покупали и предметы первой необходимости и для личного пользования: мыло, сальные свечи, спички, табак. Фактически, политкаторжанки покупали основную массу необходимых вещей и продовольствия.

Объем закупок зависел от количества средств в общей кассе. Если поступления были скудные, приходилось экономить и сокращать трату денег. Женщины вообще жили очень скромно. Экономя, они помогали мужской тюрьме, переправляя часть своих средств. Такие как Н. Армфельд довольствовались малым, отказываясь от молока, сахара и чая с белым хлебом. Все, что ей присылали из дома, отдавала товарищам. Из общей кассы помогали всем больным. Для них организовали усиленное питание. Так, Т. Лебедева и М. Коленкина на обед получали к супу еще и по котлете. Это экономическое единение спасало политкаторжанок от голода, болезней, т. е. помогало выживать. В то же время, несмотря на наличие идейно-тактических несовпадений и бытовых конфликтов, принцип взаимопомощи и дружеской поддержки, положенный в основу артельного существования, существенно сплачивал не совсем монолитный коллектив женской тюрьмы, особенно тогда, когда над ними нависала опасность.

К режимным правилам политкаторжанки относились по-разному. Одни считали, что в тюрьме следует вести себя спокойно, не раздражать протестами тюремщиков, дожидаясь срока выхода на волю, где и следует продолжить борьбу. На этой позиции стояла Е. Брешковская. Она утверждала, что всякая борьба в тюрьме бессмысленна, а за заключенных должны мстить товарищи на воле. Побег из каторжной тюрьмы невозможен, его можно осуществить только после выхода на поселение. Ее поддерживали М. Коленкина, Н. Армфельд, С. Лешерн и М. Круковская. Их противницы утверждали, что, так как

в настоящее время они находятся в плену у врага, необходимо искать пути освобождения, т. е. бежать. Некоторые из них уже по дороге на каторгу принимали попытку освобождения через побег. Например, С. Богомолец и Е. Ковальская в феврале 1882 г. бежали, но неудачно, из пересыльной тюрьмы города Иркутска. В группу активных протестанток на Каре входили, кроме названных, С. Шехтер, Е. Россыкова, М. Ковалевская. Вся история пребывания «протестанток» на каторге – это цепь постоянных конфликтов с тюремной администрацией и протестов против режима содержания. Е. Ковальская объяснила свое поведение следующим образом: «Мы считали невозможным пассивно переносить оскорбительное положение, а также физические неудобства, которые влекли за собой медленную смерть» [6]. Из-за тактических различий в женском коллективе абсолютного единства и сплоченности не сложилось.

Сторонницы активных протестных мероприятий считали, что их борьба должна носить постоянный характер и не прекращаться никогда. Следуя этим установкам, они использовали любую возможность выразить свое возмущение любыми действиями тюремного начальства, усматривая в них покушение на интересы заключенных. Своим поведением они вызывали несогласие остальных обитателей политической тюрьмы, которое ставило их по разные стороны.

Остро проявился такой раскол после группового побега, совершенного из мужской политической тюрьмы весной 1882 г. Побег оказался неудачным, и против всей политической каторги были применены репрессивные меры. Первым делом всех подвергли тщательному как личному обыску, так и обыску камер. В ходе обыскных мероприятий мужчины были избиты. На что женщины, а в первую очередь «протестантки», отреагировали остро и бурно. Дело в том, что по этическим нормам, установленным в среде политкаторжан, личный обыск и физическое воздействие рассматривалось как оскорбление чести и достоинства, против которого они были настроены протестовать крайними мерами, вплоть до самоубийства. Поэтому на каторге очень часто случались факты неповиновения режиму и особенно тем действиям тюремной администрации, которые политические узники расценивали как покушение на их честь и достоинство.

После побега во время первого обыска 4 июня 1882 г. в женской тюрьме было обнаружено огромное количество запрещенных в тюрьме вещей. В тайниках нашли карты Азиатской России, гражданскую одежду и белье, инструменты для работы по металлу, куски металла, шифрованные рукописи, деньги, холодное оружие, патроны, запасы сухарей и жареного мяса. Весь этот арсенал вещей свидетельствовал о масштабной и серьезной подготовке к побегу из женской тюрьмы. Более того, найдены были рукописи, и среди них тюремные журналы «Кара» и «Средняя Кара». Все женщины, за исключением Н. Армфельд, были одеты не в тюремную одежду. А Е. Ковальская, С. Богомолец и С. Шехтер, как засвидетельствовано в протоколе обыска, носили вызывающе модные платья [7]. Потеря с большим трудом накопленных вещей сильно расстроила их. К тому же их ожидало серьезное наказание.

Обыски сопровождалась насильственным переодеванием. Не сопротивлялись этому действию надзирателей Н. Армфельд, Е. Брешковская, С. Ле-

шерн, М. Коленкина и Ю. Круковская. «Протестантки» М. Ковалевская, Е. Ковальская, С. Богомолец, С. Шехтер и Е. Россикова были верны себе, ни обыскивать, ни переодевать себя не позволяли, сопротивлялись. Женщин возмущало еще и то, что им в камеры поставили «параши» и заставляли выносить их. Возмущение переросло в голодовку, но она продолжалась всего два дня. К голодовке прибегли только сторонницы активного протеста. Остальные посчитали ее бессмысленной. Поэтому ее пришлось прекратить, что обострило отношения внутри тюремного коллектива.

Неповиновение продолжилось. После окончания одного из обысков, перед началом которого всех женщин вывели из камер, С. Богомолец и Е. Россикова отказались вернуться обратно, заявив, что не заходят потому, что просто не хотят. Тем самым они подчеркнуто продемонстрировали свое пренебрежение к тюремщикам и к режиму содержания, который не считали для себя обязательным порядком, следовательно, исполнять его они отказывались.

К женщинам применили силу, охранники-казаки стали вносить женщин в камеру на руках. Но как только открылась дверь другой камеры, оттуда побежали для поддержки своих подруг остальные «протестантки». Между охранниками и женщинами завязалась борьба. Но сила была не на стороне узниц. Их, хотя и с трудом, затолкнули в помещение тюрьмы и заперли на замок. На следующий день утром протестующие потребовали открыть камеры. Свое требование они сопровождали бурными криками, пытались выломать окна и запертые двери, отказались принимать пищу. Е. Россиковой удалось выбраться из своей камеры, и она попыталась помочь освободиться С. Богомолец, но безуспешно.

Бунт в женской тюрьме на этом не прекратился. Несколько недель спустя С. Богомолец, чтобы выбраться на свободу, разбила оконные рамы, зажгла лучину и пыталась поджечь камеру [8]. Возмутилась она против того, что всех ее единомышленниц, которых обозначили как самых опасных, изолировали, поместив в другое тюремное здание, сопроводив это наказание лишением книг, чая, сахара, табака и спичек. В поступках С. Богомолец тюремное начальство подозревало симуляцию умопомешательства. Действительно, как позднее выяснилось, у С. Богомолец начались проблемы с психикой, которые довели ее до больницы. Длительное пребывание в условиях каторжного режима негативно сказывалось на настроении всех без исключения женщин, на них он влиял ощутимее, чем на мужчин. Ситуации усугублялись еще и тем, что радикализм поведения одной части и несогласие с ним другой части рождал в отношениях высокий накал страстей. Им приходилось беспрестанно существовать в постоянном напряжении. Одна группа, протестуя, накаляла атмосферу тюрьмы, другая, не желая погибнуть, не принимала форму поведения сокамерниц, и поэтому вступала с ними в конфликт, который в такой ситуации был просто неизбежен. Отсюда истерики, повышенная возбудимость и закономерные психические срывы.

Можно поведение этой группы женщин рассматривать как безрассудное, не контролируемое разумом, т. е. нерациональное. В таком аспекте склонны были оценивать поведение этих женщин и их сокамерницы. Излишняя агрессивность их пугала, поэтому Богомолец, Россикову, Шехтер, Ковальскую,

Ковалевскую более осторожные сторонились, стараясь не поддаваться их влиянию и не втягиваться в их, как всем казалось, безумные поступки.

Поведенческая картина в женской тюрьме часто менялась. Временами свои позиции представители противоположных лагерей подвергали пересмотру. В июле 1882 г. была провалена конспиративная почта, которую послали из лазарета в женскую тюрьму не самые ярые сторонницы борьбы с режимом, С. Лешерн и В. Левенсон. Для них это событие настолько оказалось серьезным, что у С. Лешерн, на почве переживания, резко ухудшилось здоровье, а В. Левенсон предприняла попытку самоубийства, ее успели спасти. У С. Шехтер и М. Круковской начался истерический припадок. Как видно, в лагере противников протестов тоже были способны на крайние меры защиты своих интересов [9]. В марте 1888 г. редко принимавшие участие в протестах А. Якимова и М. Ананьина, для того, чтобы добиться выполнения своих требований тоже прибегли к крайним мерам воздействия. Они угрожали поджечь тюрьму, с этой целью даже успели собрать топливо и подожгли его. А требовали они не изменения режима каторги, а всего лишь убрать от них постоянных бунтарок Россикову и Богомолец. Их требование было выполнено. Уже со следующего дня они стали жить вместе с А. Корбой, С. Лешерн и П. Ивановской, т. е. с теми, с кем хотели жить.

Женский коллектив вступал в конфликты не только с тюремной властью, но и, к сожалению, друг с другом. Внутренние раздоры приобретали весьма острый характер.

Причину своего поведения одна из противниц «протестанток» А. Корба объяснила так: раньше они все в своей деятельности роднились со смертью, а теперь, пережив крушение революционного движения и гибель лучших товарищей, сделались «в значительной степени равнодушными к собственной судьбе». И далее она пишет, что стремились «прожить на каторге отведенный срок наиболее человеческим образом, работая, по возможности обогащая свой ум новыми знаниями, наслаждаясь обществом наших славных и милых товарищей. Это не была искусственно созданная программа поведения. Она вытекала из свойства наших характеров, а в значительной степени, и из нашего мировоззрения» [10]. Полностью с этим заявлением о том, что непротестное поведение порождено свойствами характеров, согласиться нельзя. Вся их жизнь на каторге свидетельствует, что, скорее всего, эта форма поведения мотивирована желанием выжить. Сохраниться и не погибнуть становится главным содержанием жизни у значительного числа политкаторжан, которое сложилось под воздействием суровых судебных приговоров и условий каторжного режима. Это было чисто человеческое желание. Они все пережили нелегкий и опасный период своей жизни, сопровождавшийся риском и высокой степенью затрат жизненных сил. Многие из них отказались от обычных человеческих радостей, пожертвовав собой ради высоких идей. Наступило время, и они, в прошлом отчаянные и смелые, начали трезво переоценивать итоги своей предыдущей деятельности. В новых условиях жизни оставалось одно: постараться сохранить и силы, и саму жизнь. В то же время, как только возникала настоящая опасность их ценностям и интересам, в среде политических узников возникала сплоченность и они, чтобы защитить свои идеалы, могли вновь пожертвовать жизнью [11].

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК), ф. 100. Оп. 1. Д. 8787. Л. 1–23.

2. *Синегуб С.* Воспоминания чайковца // *Русская мысль*. 1907. № 10. С. 47–48.

3. Там же. С. 46.

4. *Ковальская Е.* Женская каторга. Из воспоминаний Е. Н. Ковальской // *Карийская трагедия*. Пг., 1920; *Прибылева-Корба А. П.* «Народная воля». Воспоминания о 1870–1880 годах. М., 1926. С. 116.

5. *Жуков И. Г.* Воспоминания шести-десятника // *Лит. Саратов*. 1947. № 8. С. 60.

6. *Ковальская Е.* Женская... С. 10.

7. Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 24. Оп. 3. Д. 1007 (к. 2252). Л. 12–13.

8. ГАЗК, ф. 100. Оп. 1. Д. 564. Л. 1–8.

9. ГАЗК, ф. 100. Оп. 1. Д. 529. Л. 1–4.

10. *Прибылева-Корба А. П.* Мои воспоминания о Каре // *Русское богатство*. 1914. № 3. С. 132.

11. *Мошкина З. В.* Поведение политзаключенных женщин и карийская трагедия 1889 года // *Гуманитарный вектор*. Чита. 2008. № 2 (14).

1. The State Archive of the Zabaikalskiy region (SAZR), F. 100. Inv. 1, Doc. 8787. P. 1–23.

2. *Sinegub S.* The reminiscences of chaikovets // *The Russian thought*. 1907. N 10. P. 47–48.

3. *Ibid.* P. 46.

4. *Kovalskaya E.* Women's servitude. From E. N. Kovalskaya's memories / *The tragedy of Kariysk*. Petrograd, 1920; *Pribileva-Korba A. P.* "National will". Memories of 1870–1880 years. M., 1926. P. 116.

5. *Zhukov I. G.* The reminiscences of a man of 60-s // *Literary Saratov*. 1947. N 8. P. 60.

6. *Kovalskaya E.* Women's ... P. 10.

7. The Irkutsk Region State Archive, F. 24. Inv. 3, Doc. 1007 (box 2252). P. 12–13.

8. SAZR, F. 100. Inv. 1. Doc. 564. P. 1–8.

9. SAZR, F. 100. Inv. 1. Doc. 529. P. 1–4.

10. *Pribileva-Korba A. P.* My memories of Retribution // *Russian treasure*. 1914. N 3. P. 132.

11. *Moshkina Z. V.* The political women prisoners' behavior and the Kariysk tragedy of 1989 // *The Humanitarian vector*. Chita. N 2 (14).

Behaviour of Political Prisoners under Conditions of Nerchinsk penal Servitude in 80-s of the XIX-th century

Z. V. Moshkina

The Chita State University, Chita

The article is devoted to the analysis of the behaviour of the women sentenced to hard labour for state crimes. The research work considers life evidence of the revolutionaries jailed in Nerchinsk penal servitude in 80-s years of the XIX-th century.

Key words: Penal servitude, behaviour, revolutionaries, active forms of protest, passive forms of protest, survival, Nerchinsk.

Мошкина Зоя Вениаминовна – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории права Читинского государственного университета, e-mail: MoshkinaZV@ya.ru

Moshkina Zoya Veniaminovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, the Chair of Legal Theory and History, the Chita State University, e-mail: MoshkinaZV@ya.ru